

С.Е.ЛЮБИМОВ

S.E.LIUBIMOV

ФИЛОСОФИЯ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ В «МЕДНОМ ВСАДНИКЕ» А. С.
ПУШКИНА

THE PHILOSOPHY OF NICCOLO MACHIAVELLI IN THE “THE BRONZE HORSEMAN”
OF A.S.PUSHKIN.

Аннотация: В данной статье проводится сопоставительный анализ произведения А.С. Пушкина «Медный всадник» и философии Никколо Макиавелли. На примере работы А. А. Кара-Мурзы ««Государь» Макиавелли и «Медный всадник» Пушкина (философско-политические параллели)» анализируется возможность использования А. С. Пушкиным элементом философии Макиавелли, таких как, его учение о *virtu* и *fortuna*. Данная работа содержит ряд критических замечаний к работе А. А. Кара-Мурзы и добавлений к ней, вероятно, позволяя по новому взглянуть на «Медного всадника» А. С. Пушкина.

Abstract: This paper provides considering analysis of A. S. Pushkin’s work “The bronze horseman” with Niccolo Machiavelli’s philosophy. Basing on A.A. Kara-Murza’s work “Niccolo Machiavelli’s “The prince” and A. S. Pushkin’s “The bronze horseman” (philosophical and political parallels)” we try to analyze the possibility of using the elements of Machiavelli’s philosophy such as concept of *virtu* and *fortune* by A.S. Pushkin. This work includes several critical points against A.A. Kara-Murza’s work and suggests some additions for it.

Ключевые слова: *fortuna*, *virtu*, государь, Санкт-Петербург, власть, Россия

Keywords: *fortuna*, *virtu*, state, Saint Petersburg, power, Russia

Никколо Макиавелли является одним из наиболее влиятельных мыслителей в истории политической философии. Этому мнению придерживались многие философы. Так, например, представитель кембриджской школы истории политической мысли Квентин Скиннер считает, что именно с «Государя» Макиавелли началась история современного республиканизма [Skinner 1981, 34]. Схожей точки зрения придерживался и политический теоретик середины XX века Лео Штраус, однако, в отличие от Квентина Скиннера, Штраус видел в Макиавелли не только родоначальника современного республиканизма, но и всей современной политической философии в целом. В работе «Введение в политическую философию» Штраус пишет: «Основателем современной политической философии является Макиавелли. Он пытался совершить и совершил разрыв со всей предшествующей традицией политической философии. Он сравнивал свое достижение с деяниями таких людей, как Колумб. Он претендовал на то, что открыл новый моральный континент. Его претензия хорошо обоснована; его политическое учение является "всецело

новым". Единственный вопрос в том, пригоден ли этот новый континент для человеческого проживания» [Штраус 2004, 56].

Уже в высказывании Лео Штрауса прослеживается амбивалентность философии Макиавелли, вызванная, с одной стороны, новаторством изложенных в ней идей, а, с другой, их радикальностью. Разумеется, подобная работа как «Государь» Макиавелли после своей публикации не могла не возыметь широкого общественного резонанса. В 1559 году папа Павел IV внёс все труды Макиавелли в Индекс запрещённых книг, запретив их к прочтению «всем благочестивым христианам»¹. Тем не менее, этот запрет нисколько не повлиял на распространение идей Макиавелли по всей Европе. В Голландии Бенедикт Спиноза писал, что «Макиавелли был пылким патриотом, демократом, сторонником свободы, и "Государь" должен был внушить людям мысль, что какими бы ни были тираны и что бы они ни делали, лучше оказывать им сопротивление» [Спиноза 2000, 78]. Во Франции Жан Жак Руссо говорил: ««Государь» Макиавелли – это книга для истинных республиканцев» [Руссо 2013, 98]. Согласно Исаяе Берлину, в Италии Джузеппе Предзолини видел в Макиавелли страждущего гуманиста, стремившегося к реформированию римской католической церкви [Берлин 1997, 245].

В России знакомство с философией Никколо Макиавелли произошло достаточно поздно. Если в Европе его идеи были известны уже с начала XVII века, то в России – лишь с первой половины XIX века. Несмотря на то, что по всей Европе имя Макиавелли было неразрывно связано с политической философией, на русский язык был впервые переведён не его трактат «Государь», а его работа «О военном искусстве» (1839). Тем не менее, в 1869 году в России появилось сразу два перевода трактата «Государь»: один в переводе Н. Курочкина, а другой – в переводе Ф. Затлера. Появление сразу двух переводов в один и тот же год объясняется сугубо филологическими причинами, поскольку в переводе Ф. Затлера «Государь» Макиавелли был переведён как «Монарх».

Сразу после своего появления в России философия Макиавелли не была особенно популярна, поскольку властительницей дум XIX века была немецкая классическая философия, представленная в работах Иммануила Канта, Иоганна Готлиба Фихте и особенно Георга Фридриха Вильгельма Гегеля. Их идеи получили широкое распространение благодаря деятельности кружка Станкевича, который был создан в Московском университете в 1832 году. Тем не менее, интерес к немецкой классической философии не смог полностью исключить интереса к философии Никколо Макиавелли. В связи с этим, в рамках данной исследовательской работы мы рассмотрим интерпретации философии Макиавелли в русской философии.

---

¹ <http://fondosdigitales.us.es/fondos/libros/462/12/nouus-index-librorum-prohibitorum-et-expurgatorum/>

1) Макиавеллизм «Медного всадника» А. С. Пушкина

Как уже было сказано ранее, первый перевод работ Никколо Макиавелли состоялся в 1839 году. А. С. Пушкин же трагически погиб на дуэли в 1837 году. Отсюда может возникнуть вопрос: откуда Пушкин мог почерпнуть сведения о философии великого флорентийца. Ответить на этот вопрос достаточно просто: хотя переводов Макиавелли на русский язык в годы жизни А. С. Пушкина и не существовало, он, тем не менее, читал Макиавелли на каком-то из иностранных языков. Перевод Макиавелли на немецкий был выполнен ещё в 1660 году немецким историком Германом Конрингом, а на французский – в 1823 году Жаном Перизэ. Вероятно, А. С. Пушкин всё же читал Макиавелли по-французски, поскольку изданное на французском языке десяти томное собрание сочинений Макиавелли имелось в пушкинской библиотеке.

Кроме того, нельзя забывать и о том образовании, которое получил А. С. Пушкин в годы его обучения в Царскосельском лицее, ведь нравственные политические и юридические науки ему преподавал А. П. Куницын – настоящий знаток европейской политической философии, написавший книгу «Право естественное», в которой автор последовательно излагал идеи Канта и Руссо. Таким образом, можно с определённой долей уверенности утверждать, что А. С. Пушкин читал труды Никколо Макиавелли, а потому мог использовать некоторые его идеи в своих произведениях. Однако, в каких же произведениях А. С. Пушкин использовал философию Макиавелли?

Один из наиболее авторитетных современных исследователей в области русской философии А. А. Кара-Мурза считает, что влияние философских идей Макиавелли чувствуется в произведении А. С. Пушкина «Медный всадник»². Анализируя текст «Медного всадника», А. А. Кара-Мурза приходит к выводу, что Нева, вышедшая из берегов и затопившая Санкт-Петербург является аллюзией на понятие fortuna Никколо Макиавелли. В работе ««Государь» Макиавелли и «Медный всадник» Пушкина (философско-политические параллели)» А. А. Кара-Мурза: «Больше двадцати лет назад, уже не первый год читая курсы по истории политической философии, я обратил внимание на то, что главным героем пушкинского «Медного всадника» как раз является разбушевавшаяся река, наводнение, которое обузывается «Медным всадником»... С тех пор идея о том, что «Медный всадник» является русским парафразом на тему «Государя» Макиавелли, неоднократно мною уточнялась, и, как мне кажется, заметно усилилась».

---

² Об этом см. подробнее Кара-Мурза А. А. «Государь» Макиавелли и «Медный всадник» Пушкина (философско-политические параллели)//Философские науки №1. – М., 2014.

В трактате «Государь» Никколо Макиавелли использует два определения понятия *fortuna*. Первое из них связано с пониманием *fortuna* как стихии, которая приводит государство к процветанию в первый день, а на следующей – к его гибели. Макиавелли пишет: «Я уподобляю ее [*fortuna*] бурной реке, которая, расшвыряв, затопляет долину, крушит дома и деревья... все уступает и бежит перед стихией, не в силах ей противостоять» [Макиавелли 2002, 12]. Подобное понимание *fortuna*, действительно, крайне близко к тому, что мы находим в «Медном всаднике» А. С. Пушкина. Тем не менее, определение *fortuna* как бурной реки мы находим не только в «Государе» Макиавелли, но и в других произведениях

В трактате «Государь» мы находим и другое определение *fortuna*, которое по мнению современных интерпретаторов философии Макиавелли, является куда более важным. Макиавелли пишет: «фортунa - женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать - таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина, - подруга молодых, ибо они не так осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают» [Макиавелли 2002, 27]. Это определение, с одной стороны, тесно связано со средневековой философской традицией, а, с другой – отображает особенности ренессансного миропонимания.

Так, определение фортуны как женщины прослеживается уже «Энеиде» Вергилия, где присутствуют знаменитые строки «*Audentes fortuna iuvat*» («Удача благоволит храбрым»). Макиавелли неоднократно обращается к этим строкам из Вергилия, когда пишет о том, что на силу фортуны полагаются лишь молодые и храбрые юноши, поскольку они не осознают опасность её применения и её изменчивый характер, старые же мужи предпочитают полагаться на благоразумие (*prudentia*) [Макиавелли 2002, 31]. Тем не менее, Макиавелли вовсе не чужд и христианской традиции понимания *fortuna*. Согласно Тимоти Люксу – автору работы «*Fortune Comes of Age (in Machiavelli's Literary Works)*» Макиавелли заимствует многие идеи из учения Северина Бозция, изложенного в его произведении «Утешение философией» [Lukes 1990, 35]. Именно во второй книге этого произведения возникло представление о «колесе фортуны», которое имеет, по мнению Бозция, четыре положения: *regnabo*, *regno*, *regnavi* и *sum sine regno* [Бозций 1990, 115].

Эти четыре положения колеса фортуны характеризуют путь, который проходит человек, желающий получить власть. Вначале он достигает своей цели благодаря фортуне и становится королём на стадии (*regno*), но затем неизбежно теряет власть и достигает стадии *sum sine regno*. Согласно Тимоти Люксу, учение Бозция о «колесе фортуны» имеет прямое отношение к политической философии, поскольку оно описывает процесс обретения и утраты власти, и именно поэтому его учение было столь важным для

Макиавелли [Lukes 1980, 37]. В то же время, Макиавелли не призывает к поклонению фортуны, а говорит о необходимости её подчинения, что, вероятно, можно объяснить антропоцентрической направленностью эпохи Возрождения.

Таким образом, получается, что наводнение, показанное в «Медном всаднике» А. С. Пушкина, хоть и может быть скрытой отсылкой к понятию «fortuna» Никколо Макиавелли, но утверждать этого с уверенностью нельзя, ибо для этого нет достаточных оснований. Как мы помним, Макиавелли даёт два определения фортуны, дополняющих друг друга. Так, определение фортуны как стихии показывает её разрушительный характер, а её определение как женщины указывает на её переменчивый характер. Но кто из персонажей «Медного всадника» мог бы быть аллюзией на фортуны как женщину? В «Медном всаднике» Пушкина мы практически не находим женских персонажей. Исключением является разве что Параша – возлюбленная Евгения. Тем не менее, её никак не получается считать символом фортуны-женщины уже хотя бы потому, что на момент начала действия она уже погибает в наводнении.

Также персонажем женского пола негласно присутствующим на страницах «Медного всадника» является сама Россия. Если Россия является аллюзией на фортуны-женщину, то в таком случае получается, что fortuna в «Медном всаднике» изображается автором и в качестве агрессора-потока и в качестве жертвы-России. Подобная противоположность ролей указывает на переменчивый характер фортуны, заложенный в её природу. Таким образом, образ fortuna из философии Никколо Макиавелли, действительно, присутствует в «Медном всаднике» А. С. Пушкина, однако, он заключается не только в вышедшей из берегов Невы, как считает А. А. Кара-Мурза, но, вероятно, и в самой России, которую автор изображает как женщину.

Тем не менее, даже если вышедшая из берегов Нева в «Медном всаднике» Пушкина и не является отсылкой к «фортуне» Макиавелли, то это вовсе не означает, что в этом произведении Пушкина нет отсылок иного рода. На одну из таких отсылок также указывает А. А. Кара-Мурза в работе ««Государь» Макиавелли и «Медный всадник» Пушкина (философско-политические параллели)». Он пишет: «Хорошо известно, что, согласно Макиавелли, из всех зверей Государь должен уподобиться главным образом двум – льву и лисе... Но ведь у Пушкина «Медный всадник» – это и есть Кентавр, «получеловек – полуживотное». «Медный всадник», разумеется, – это вовсе не царь Петр на коне; это новая сущность: Государь-Кентавр» [Кара-Мурза 2014, 26]. Вероятно, образ «Медного всадника», действительно, является прямой отсылкой к «Государю» Макиавелли, однако, эту отсылку можно проинтерпретировать несколько иначе, нежели это сделал А. А. Кара-Мурза.

Одной из ключевых идей Макиавелли является понятие *virtu*, которое на русский язык обычно переводится как «добродетель». Современные интерпретаторы философии Макиавелли, такие как, Джон Покок, Квентин Скиннер и Маурицио Вироли полагают, что Макиавелли первоначально вкладывал в понятия *virtu* три основных значения, которые отсылают нас к тем качествам, которыми должен обладать государь, чтобы обеспечить государству величие и процветание. Во-первых, к числу таких качеств относится «политическая добродетель» («*civic virtue*») – способность государя принимать активное участие в жизни государства и адаптироваться к изменению геополитических условий. Во-вторых, качеством государя, обладающим *virtu*, является «воинская доблесть» – способность защитить государство от любой внешней или внутренней угрозы [Россок 2003, 187]. Наконец, третьим таким качеством является «энтузиазм» - способность человека к единению с Богом [Viroli 2010, 92].

Поскольку «Медный всадник» - это памятник Петру I, то можно предположить, что А.С. Пушкин через образ Петра I пытался показать правителя обладающего *virtu*. Причём, Пётр I, действительно, подходит на эту роль, потому что он изменил политическое устройство России, сделав её империей, а значит обладал «политической добродетелью», он выиграл Северную войну, а значит обладал «воинской доблестью», наконец, он был выдающимся реформатором и среди прочего провёл церковную реформу, а потому он был «энтузиастом», в том смысле слова, который придавал этому термину Макиавелли. Однако, для А. С. Пушкина, вероятно, самым главным было то, что только государь, обладающий *virtu*, может спасти свою страну от неминуемой гибели, которую в «Медном всаднике» олицетворяет наводнение. Примечательно, что Евгений возлагает надежды на спасение города не на действующего императора, и даже не на Бога, а именно на Петра I. Только у него есть силы для того, чтобы остановить своей волей неизбежную гибель Санкт-Петербурга. А. С. Пушкин описывает Петра I следующими словами:

«Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,

И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы» [Пушкин 1978, 56].

Напомним, что согласно Макиавелли, только человек, имеющий *virtu*, способен противостоять судьбе и злему року, и то, что А. С. Пушкин называет Петра I «мощным властелином судьбы», вероятно, подтверждает то, что Пушкин видел в нём образ государя, правящего не в силу милости судьбы, а благодаря *virtu*.

В «Медном всаднике» А. С. Пушкин противопоставляет Петру I государя иного толка, государя не обладающего *virtu*. Но кто этот государь? Поэма «Медный всадник» была написана в Болдине осенью 1833 года, т.е. в год правления Николая I. Сам Пушкин не называет этого государя по имени, однако, даёт ему следующее определение.

«В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладеть»» [Пушкин 1978, 56].

Фраза «покойный царь ещё Россией правил» даёт намёк на то, что государем, о котором идёт речь, является Александр I, а не Николай I. Александр I был реформатором также как и Пётр I, однако, в отличие от последнего, реформы Александра I не сделали Россию сильнее, а лишь ослабили её, что чуть было не привело к захвату России Наполеоном в годы Отечественной войны 1812 года. Вместо того, чтобы править самому, Александр I в начале своего правления полагался на Негласный комитет, в который входили его фавориты. Безусловно, в годы правления Александра I было проведено немало эффективных реформ, однако, практически все они были реализованы благодаря М. М. Сперанскому. Всё это свидетельствует о том, что сам Александр I политической добродетелью не обладал. В годы Отечественной войны 1812 года Россия оказалась на грани поражения. Александр I ни разу за всю военную кампанию не руководил армией лично, доверяя командование М. И. Кутузову. Это говорит о том, что Александр I не обладал и воинской доблестью. Наконец, в годы правления Александра Святейший Синод созданный Петром I попал под сильнейшую зависимость от государства, поскольку отныне церковная власть принадлежала назначаемому государем обер-прокурору, а не церковным иерархам.

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что сам Александр I *virtu* не обладал, в лучшем случае каким-то из аспектов этого понятия обладали те, кто окружал монарха: М. М. Сперанский обладал «политической добродетелью», а М. И. Кутузов – «воинской доблестью». Однако, никто из них не обладал *virtu* во всех её аспектах, и именно поэтому не нашлось в государстве такого человека, который был бы способен остановить «божью стихию». Государю, не обладающему *virtu*, остаётся только смотреть, как то, что создал он и его предки обращается в прах и в этом, вероятно, заключается та мудрость, которую вынес А. С. Пушкин из чтения трактатов Никколо Макиавелли.

Заключение

Таким образом, в ходе данной исследовательской работы мы рассмотрели влияние философии Никколо Макиавелли на творчество А. С. Пушкина на примере его поэмы «Медный всадник». В ходе нашего анализа мы выяснили, что А. С. Пушкин, вне всяких сомнений, был знаком с политическими трактатами Никколо Макиавелли и активно использовал его идеи, такие как, прежде всего, концепция *virtu*. Учитывая новый контекст прочтения, «Медный всадник» предстаёт совсем иначе: вместо поэмы, описывающей природную катастрофу, перед нами предстаёт политическая сатира, в которой противопоставляются достижения Петра I неудачам Александра I.

Вероятно, подобная завуалированность была необходима А. С. Пушкину, чтобы избежать преследования за свои взгляды и убеждения, ведь не стоит забывать, что Николай I, правивший в те годы в России, был известен как «жандарм Европы». Стоит заметить, что к подобному приёму прибегал не только А. С. Пушкин, но и многие другие русские писатели и поэты. Так, например, довольно известным является факт наличия скрытого политического смысла в сказке С. Т. Аксакова «Аленький цветочек», в которой судьба купеческой дочери, ищущей свой путь в жизни, уподобляется судьбе России, которая в XIX веке стояла на перепутье между западничеством и славянофильством.

Наконец, необходимо сказать несколько слов об интерпретации поэмы «Медный всадник» А. А. Кара-Мурзы. Предложенная им интерпретация крайне оригинальна, и, возможно, гораздо более близка к истине, чем интерпретация, представленная в этой работе. Тем не менее, в работе ««Государь» Макиавелли и «Медный всадник» Пушкина (философско-политические параллели)» А. А. Кара-Мурза делает некоторые выводы, для которых нет достаточных оснований. В частности к подобным выводам относятся его видение наводнения в качестве образа фортуны и его взгляд на медного всадника как на аллюзию на кентавра Хирона. В данной работе мы взяли работу А. А. Кара-Мурзы в

качестве стартовой точки и попытались уточнить некоторые его взгляды, приводя новые доказательства в пользу той или иной точки зрения.

Список используемой литературы:

1. Берлин 1997 - Берлин И. Оригинальность Макиавелли//Антология эссе. М., 1997.
2. Бозций 1990 - Бозций С. Утешение философией. М., 1990.
3. Кара-Мурза 2014 - Кара-Мурза А. А. «Государь» Макиавелли и «Медный всадник» Пушкина (философско-политические параллели)//Философские науки №1. – М., 2014.
4. Макиавелли 2002 - Макиавелли Н. Государь. М., 2002.
5. Пушкин 1978 - Пушкин А. С. Медный всадник. Спб., 1978.
6. Руссо 2013 - Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре//Политические сочинения. М., 2013.
7. Спиноза 2000 - Спиноза Б. Политический трактат//Сочинения Т2. Спб., 2000.
8. Штраус 2004 - Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, 2004.
9. Lukes 1980 - Lukes T. Fortune Comes of Age (in Machiavelli's Literary Works)// The Sixteenth Century Journal. 1980.
10. Pocock 2003 - Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton University Press, 2003.
11. Skinner 1981 - Skinner Q. Machiavelli. Oxford University Press, 1981.
12. Viroli 2010 - Viroli M. Machiavelli's God. Princeton University Press, 2010.